

Через два дня после того, как Джон и Фростфайр отразили дотракийские набеги с Пентоса, Дейенерис обнаружила, что едет навстречу дракону со своим Наездником и сиром Джорахом.

Фростфайр в настоящее время гнезвился на холмах к северу от города. Она часто отваживалась отправиться на испепеленное поле к югу от Пентоса, чтобы собрать бесчисленные тела, приготовленные ею во время битвы, но сейчас дракон отдыхал вдали от места резни.

Точно также. Дени не хотелось выходить на поле в ближайшее время. Она не была уверена, сможет ли справиться с запахом горелой и гниющей плоти.

Она держала в руках сундук с драконьими яйцами, а Джорах вел коня к месту назначения. Они хотели узнать, что о них думает Фростфайр; чтобы посмотреть, не сможет ли она дать какой-нибудь ключ к тому, как можно оживить яйца.

Дени знала, что в них есть жизнь. Каким-то образом... каким-то образом она почувствовала, что яйца могут вылупиться. Она и Джон оба чувствовали это — чувствовали тепло внутри себя. Их валирийская кровь подсказывала им, что шанс есть.

Визерис заметно отсутствовал после нападения дотракийцев. Джон надеялся, что, возможно, его победа вызовет благосклонность его дяди, но, похоже, это было не так.

Ей было интересно, о чем думает ее брат.

Как всегда, они остановились недалеко от Фростфайра. Лошади не смели подойти ближе, а у дракона был очень короткий список людей, которым она позволяла приближаться к себе.

Этот список состоял исключительно из Джона и Дени. Любой другой получил бы смертельный взгляд и держался бы от нее подальше.

Или иначе.

Джон взял сундук с драконьими яйцами у Дени, чтобы она могла слезть со своего коня, а затем они пошли к Фростфайру, пока Джорах присматривал за лошадьми. Дракон дремала, но подняла голову, когда они приблизились, и заурчала глубоко в ее груди в приветствии.

Дени улыбнулась дракону; она была счастлива видеть это прекрасное существо так близко. Увидеть нежную сторону самого великолепного и опасного хищника в мире.

— Привет, сестра, — Джон осторожно поставил сундук и выпрямился, подняв руку к морде дракона. Фростфайр моргнула на него своими большими аметистовыми глазами, фыркая теплым воздухом на Джона и Дени.

Дэни опустилась на колени, чтобы открыть сундук. Фростфайр слегка наклонила голову, любопытствуя, что делает девушка Таргариен.

Как только Дэни подняла яйцо черно-красного дракона, зрачки Фростфайра расширились. Она испуганно заворчала, полностью отвернувшись от Джона в пользу яйца. Ее ноздри раздулись, вдыхая его запах.

Дэни встала, поближе показывая яйцо Фростфайру, в то время как Джон вынул из сундука зелено-кремовые яйца, также демонстрируя их огромной самке. Глаза дракона скользнули по трем яйцам, сияя и... и задумчиво.

Она часто задавалась вопросом, насколько умен Фростфайр. Некоторые мастера на протяжении всей истории утверждали, что драконы даже умнее людей. Было ли это инстинктом, магией или чем-то еще, она определенно что-то знала.

— Ты тоже это чувствуешь, не так ли? Ты знаешь, что они живы, — выдохнула Дени. Дракон издал тихое рычание. Ее хвост стучал по земле, как у бездельничавшей кошки.

Фростфайр, казалось, какое-то время молча рассматривала яйца, прежде чем ее взгляд переместился с них на пару Таргариенов. Дени с любопытством наблюдала, как дракон переводил взгляд с нее на Джона и обратно.

Она внезапно наклонила голову ближе, двигаясь, пока ее морда не оказалась рядом с Джоном, и осторожно подтолкнула его ближе к Дени. Мальчик позволил ей это сделать, ошеломленный и очарованный странным поведением. Фростфайр толкался, пока он и Дени не встали плечом к плечу, соприкасаясь руками и так близко, как только могли, когда яйца все еще были в их руках.

Тогда дракон отстранился и стал изучать ее работу. Она снова наклонилась вперед, обнюхивая их. Ее глаза слегка сузились.

Фростфайр глубоко вздохнул — почти вздохнул — и отстранился, свернувшись калачиком, чтобы снова вздремнуть.

Джон моргнул и посмотрел на Дэни. "Что ж."

— Это было интересно, — пробормотала она. — Она знает, не так ли?

— Я могу сказать, что она что-то чувствует, — признал он. «Но то, как она реагирует... может быть, что-то не так, чтобы они вылупились. Пока нет».

"Может быть."

Он все еще был так близок к ней. Они еще не отошли друг от друга. «Интересно, почему она столкнула нас вместе. Должна же быть причина. Обычно она так не поступает».

«Откуда ты знаешь? Ты приводишь других девушек на встречу со своим драконом, Джоном Сноу?»

Это заставило его ухмыльнуться. — Боюсь, что нет. Она очень разборчива в людях, которые ей нравятся.

«Мудрая женщина», — рассмеялась Дени, нежно глядя на дракона. Она опустилась на колени, чтобы вернуть черное яйцо в сундук, и Джон последовал ее примеру. «Давайте вернемся в Пентос. Я не думаю, что сегодня она нам еще что-то расскажет».

"Как хочешь."

Его пальцы коснулись ее, когда они устанавливали яйца на место, и у Дени возникло нелепое желание схватить и держать его за руку просто ради этого. У них не было возможности по-настоящему побыть наедине со времен дотракийского набега.

Может быть сегодня вечером...

Она выбросила эту мысль из головы и закрыла сундук, затем встала с Джоном, пока он

поднимал яйца, и шла с ней спиной к сиру Джораху.

— Корабль в Браавос?

Эйгон кивнул. «Да. Мы планируем посетить город, по крайней мере, ненадолго. Остаться в Пентосе слишком долго было бы неразумно».

Иллирио поднял бровь, глядя на мальчика. «Почему бы и нет, ваша светлость? Здесь вас любят люди, и я более чем счастлив продолжать приютить вашу семью».

— Я в курсе и ценю ваше гостеприимство, — тактично сказал мальчик. «Но как только станет известно, что я появился здесь со своим драконом, король Роберт, вероятно,отреагирует довольно бурно. Дейенерис и Визерис повезло, что ваша охрана до сих пор пресекала все попытки убийства. пошлет, когда узнает, что я здесь с ними?»

Это было правильное замечание, подумал Иллирио. Толстый Король не воспринял известие о том, что отпрыск Рейегара Таргариена выжил — да еще с драконом на буксире, не меньше, — вообще хорошо. Его ненависть к наследному принцу Таргариенов была легендарной, как и его стремление уничтожить все следы драконьего отродья.

Если бы он узнал, что он не только упустил Таргариена, но и что дракон, о котором идет речь, был ребенком Рейгара, — что ж, его гнев был бы ужасен. Было бы разумно с их стороны исчезнуть до того, как их найдет следующая группа убийц Роберта.

Кроме одного.

«Ты хочешь избежать убийц, но идешь в Браавос».

— Ага... — Эйгон в замешательстве нахмурился, и Иллирио вспомнил, что мальчик на самом деле все еще мальчик. Да, ученый, но чаще всего было ясно, что ему еще многое предстоит узнать об Эссосе.

— Вы слышали о Безликих, ваша светлость?

"Я думаю, что я собираюсь."

«Безликие люди — это гильдия убийц, базирующаяся в Браавосе. Они могут слиться с кем угодно и известны во всем мире как самые опасные убийцы, скрывающиеся в тенях».

Глаза Эйгона сузились. «Тогда почему Роберт не нанял их, когда мои тетя и дядя были в Браавосе?»

Иллирио улыбнулся. Умный ребенок.

«Безликие люди — это что-то вроде загадки», — ответил он. «Они поклоняются Многоликому Богу, и их мотивы принятия той или иной просьбы довольно... загадочны. Не всегда понятно, почему они отказываются или принимают просьбу».

«Значит, либо они отклонили предыдущие запросы Роберта, либо он понятия не имеет, как с ними связаться».

"Правильный."

Эйгон поджал губы. Это задумчивое выражение, так часто встречавшееся на его лице, снова

появилось. «Я не планирую, чтобы мы объявляли о нашем прибытии в Браавос — в идеале, как раз наоборот. Я бы хотел, чтобы наше присутствие было как можно тише, пока мы там».

«Мудрое решение. Особенно учитывая, каким хаосом станет Королевская Гавань, как только слухи о вашем существовании уйдут», — Иллирио погладил бороду. «Если бы вы были тихими и осторожными, я думаю, вы могли бы безопасно спрятаться в Браавосе на короткое время. Возможно, два месяца или три, если вы будете достаточно осторожны. Достаточно, чтобы легко найти подходящее жилье на протяжении всего пребывания».

— Я тоже так думал, — согласился Эйгон, а затем посмотрел на него чуть более напряженно. «Мастер Иллирио, я хотел бы сохранить в тайне наши планы путешествия. Никто, кроме вас, меня и Дейенерис, в настоящее время не знает, что мы собираемся уехать в ближайшее время.

— Конечно, ваша милость, — опустил голову толстяк. «Скоро я приготовлю для вас корабль. Возможно, через неделю вы сможете отправиться в плавание».

— Спасибо, магистр.

Он, конечно, поделится этой информацией с Варисом — как и сир Джорах, как он подозревал, — но он также знал, что Варис не выдаст информацию сразу. Он позволит этому медленно просачиваться среди хаоса Королевской Гавани.

Паук хотел бы посмотреть, как разыграются эти новые фигуры на игровом поле. Он не бросит их умирать так легко, особенно когда осознает, насколько очаровательным был Эйгон Таргариен.

Нет, Варис позволил бы Таргариенам немного успокоиться, прежде чем его обязанности в качестве Мастера шпионажа заставят его руку. К тому времени, надеюсь, Эйгон и его семья уже определились со своим следующим курсом действий и оставили Браавос позади.

С надеждой. Мальчик привык прятаться, но раньше он не был в бегах. Его суждение должно было быстро скорректироваться.

День пролетел для них быстрее, чем они ожидали, и, прежде чем она успела это осознать, Дени снова свернулась калачиком рядом с Джоном, когда они заснули в его покоях. С момента его прибытия она практически покинула свою спальню; хотя Визерис, казалось, успокоился, и она больше не боялась наступления следующего дня, отдых рядом с Джоном успокаивал ее — и, казалось, ее присутствие делало то же самое для него.

Она знала, что именно это их решение породило довольно безвкусные слухи. Она уже слышала, как некоторые из слуг обсуждали это раньше, как она соблазнила Короля Всадников на Драконах начать войну с дотракийцами или как он соблазнил Принцессу Таргариенов от ее брака с дотракийским кхалом.

Последнее заставило ее рассмеяться. Как будто ей нужно было соблазнить, чтобы сбежать от кхала Дрого.

Но соблазна не было, что бы ни говорили слуги. Хотя они часто держались за руки во время отдыха, ни один из них не стремился к большему. Еще нет. Они годами мечтали друг о друге, и между ними определенно было притяжение. Голод. Но быть вместе сейчас — это было более расслабленно. Больше не обязательно заканчиваться так скоро.

У них было время. Это был самый драгоценный подарок, который они получили при встрече за

пределами их снов.

Кстати о мечтах.

Дени моргнула, когда оказалась не в зимнем лесу, а в башне — ну, она предположила, что это была башня, учитывая, что она смотрела в окно, которое было высоко над землей внизу. Она нахмурилась, глядя на незнакомую обстановку, и повернулась, остановившись, когда заметила Джона. Он тоже повернулся на месте и с сомнением склонил голову, увидев ее.

— Это новинка, — медленно сказал он.

"Выглядит знакомо?"

"Нисколько."

В центре комнаты стояла большая кровать, хорошо заправленная и нетронутая. Хотя снаружи было светло и ни в коем случае не холодно, она видела, что камин горит...

Дени и Джон замерли, когда из пламени появилась фигура. Крошечный белый дракон с красивыми аметистовыми глазами.

Рот Джона открылся. "Фростфайр?"

Дракон зачирикал и сел на пол; крошечный и чистый, белоснежный, несмотря на копоть в камине. Несмотря на то, что она явно была такой молодой, ее взгляд обладал для них тем же сверхъестественным интеллектом, что и ее взрослая личность.

Дени почувствовала, как ее сердце тает при виде детеныша дракона. Она была просто очаровательна — ее глаза были большими, а крылья — маленькими и все еще растущими. Ее хвост свернулся. Она выглядела почти безобидной.

Она посмотрела на Джона и увидела, что он думает. Видел, как он обрабатывает зрение. Он оглянулся на кровать и молча посмотрел на нее.

"Джон?"

— ...Я думаю, это Башня Радости, — прошептал он, поворачиваясь, чтобы посмотреть на нее. «Здесь я родился. Здесь родился Фростфайр. Дядя Нед сказал, что она вылупилась из яйца в камине после того, как моя мать родила меня».

Глаза Дени расширились. Фростфайр зачирикала и метнулась к их ногам. Она посмотрела вслед дракону и поняла, что между ними лежат три драконьих яйца из сундука.

Джон опустил на колени и взял зеленые и кремовые яйца. Дени сделала то же самое для черного, который всегда звал ее больше, чем другие. Она снова посмотрела на Фростфайра.

— Что нам с ними делать?

Взгляд дракона метнулся от них к камину. Ее яйцо вылупилось в огне. Может быть, этим трем яйцам нужно было то же самое, чтобы произошло?

Она посмотрела на Джона, и они, казалось, разделяли одни и те же мысли. Они отнесли яйца к камину и встали на колени возле него. Дени осторожно начала подбрасывать черное яйцо в огонь, но остановилась, нахмурившись.

"Что случилось?"

Она ничего не сказала и ненадолго отложила яйцо. Ее рука скользнула в пламя.

"Дэни!"

Он сильно дернул ее за руку и отдернул от огня, глядя на нее так, словно она сошла с ума. Дэни протянула ему руку.

Несгоревший. Невредимый.

— Не жарко, — прошептала она, наблюдая за своей безупречной кожей. «Он не горит».

Джон мог только недоверчиво моргнуть. Его глаза скользили по огню, и он медленно подражал ей. Она почувствовала, несомненно, то же самое желание выдернуть его руку из пламени, но он выкрутил ее в огне, и когда он отступил, его кожа тоже не пострадала.

— Тепло, но не больно, — нахмурился он. Его взгляд вернулся к огню, затем он поднял зелено-кремовые яйца и осторожно поставил их в огонь. Дени поставила черную в центр, проведя пальцами по трем братьям и сестрам. Тепло их панцирей, казалось, росло.

Фростфайр зарычал, явно довольный происходящим. Дракон подошел к камину, сделал круг и лег вздремнуть.

— Мы просто... оставим их? Она задумалась.

— Думаю, да, — пробормотал он.

Они услышали, как кто-то поднимается по каменным ступеням, и замерли, кружась. С нижнего уровня башни вышли два человека; мужчина и женщина.

У мужчины были серебристо-золотые волосы и темные сиреневые глаза. Он был высок, светловолос и неземно красив, и носил красивую одежду, какой Дени никогда прежде не видела. Но что поразило ее больше, чем его одежда, так это явные черты Таргариена, которыми он обладал. Выражение его лица было задумчивым, почти грустным, но в то же время мягким и счастливым.

Женщина тоже была светлокожей и красивой, хотя и несколько ниже своей спутницы. Волосы у нее были темно-каштановые, почти черные, а глаза темно-серебристые. На ней была одежда, которая, казалось, не подходила такой леди — туника и бриджи, которые, хотя и были прекрасно сшиты, казалось, были созданы скорее для воина, чем для такой женщины, как она сама. Она ухмылялась мужчине, и выражение ее лица можно было описать только как дикое и озорное.

Она говорила. Ее голос и акцент были знакомы. Как у Джона. Северный.

— Должна сказать, я рада, что сняла это платье, — весело сказала она.

«Извините, я не мог приготовить для вас что-то лучше», — тихо ответил мужчина. "Вы заслужили-"

Она подняла руку и приложила палец к его губам, заставив его остановиться и моргнуть. Ее глаза блестели, но улыбка была мягкой. «Я женился на тебе. Это то, чего я хотел».

Он взял ее руку и прижался губами к ее костяшкам пальцев. «А я тебя».

Ее глаза оторвались от него и устремились к камину, но она, казалось, смотрела прямо сквозь Дэни, Джона и Фростфайра. — Как вы думаете, когда он вылупится?

— Я не знаю наверняка, — признался он, проследив за ее взглядом. «Мои сны были... удручающе расплывчатыми».

— Напомни мне еще раз, что сказал тебе дракон?

«Отец и мать, оживлённые огнём».

Она нахмурилась. То, как ее нос сморщился, снова напомнило Дэни о Джоне. «Я всегда думал, что драконы будут более простыми. Это довольно загадочно».

«Я читал, что Драконьи Сны часто бывают такими».

— Что ж, у меня есть идея, — она подняла взгляд на мужчину — своего мужа, — и глаза ее были полны любви, но в то же время потемнели от голода. «Яйцо в огне. Ты уже можешь быть отцом, но я не мать».

"Нет."

"Пока что."

Дыхание мужчины остановилось. Он посмотрел на нее, и она, обхватив его лицо руками, прошептала что-то, чего Дэни не расслышала. Он агрессивно поцеловал ее, и она ответила тем же, засмеявшись ему в рот.

Сон закончился.

Она проснулась.

Дэни посмотрела на Джона, когда его глаза широко открылись, и какое-то время он смотрел в потолок. Внезапно он отодвинул простыни и сел на край кровати, спиной к ней.

Дэни тихо подошла к нему сзади и нерешительно обвила руками его торс.

— Это были они, — прошептал он. Она крепко сжала его, прижалась лицом к его плечу. Его руки поднялись, чтобы взять ее, крепко сжав. Она чувствовала, как он дрожит. «Это были мои мать и отец».

Дэни медленно кивнула, что-то непостижимое дрожало внутри нее. Этот человек — отец Джона, ее брат — несомненно, был Рейгаром Таргариеном. Женщина могла быть только матерью Джона, Лианной Старк.

Она никогда не смела надеяться, что когда-нибудь сможет увидеть Рейгара. Она почти не слышала о нем, несмотря на то, что Визерис когда-то боготворил его. Насколько она могла судить, Джон — Эйгон — унаследовал характер ее брата. Он был гораздо больше похож на свою мать Лианну. Физические черты Рейгара были едва заметны на нем. Возможно, однажды он вырастет, но на данный момент внешний вид Джона в основном напоминал волчицу .

Она чувствовала, как быстро стучало его сердце, как тяжело стучало в груди.

— Я боялся в это поверить, — шептал он, и она слышала, как сбилось его дыхание. «Когда я впервые услышала, как Рейегар забрал Лианну и что его действия спровоцировали восстание Роберта... мне стало интересно, что за человек мой отец, если он сделал что-то подобное. Я боялся ответа на этот вопрос. солгал, чтобы защитить мое счастье. Но он не лгал. Рейгар никогда не похищал мою мать. Он никогда не насиловал ее».

— Он любил ее, — голос Дени надломился. Слезы наполнили ее глаза. — И она любила его.

Тихое рыдание вырвалось у Джона, и Дени сжала его так сильно, что они оба едва могли дышать. Они плакали вместе — радостно и грустно, и с облегчением, вне всякого сомнения, узнав, что Рейегар был хорошим. Что они с Лианной любили друг друга больше, чем можно было выразить словами.

Она долго держала его.

Эйгон встал перед дверью и собрался с духом.

Прошло почти пять дней с момента его победы над кхалом Дрого и дотракийцами. Пять дней восстановления для него — обе его незначительные раны заживали, хотя теперь у него был тонкий шрам на левой скуле — и планирование их следующего шага. Иллирио приготовил для них корабль. Возможно, еще через четыре дня они отправятся в Браавос.

Пять дней, и он почти ничего не видел Визериса.

Иногда он видел, как его дядя ест, но чаще всего слуги доставляли еду в его покои. Молодая служанка, с которой он спал, — Дорея — навещала его несколько раз.

Теперь Визерис через другого слугу отправил Эйгону просьбу о встрече с ним. Он солгал бы, если бы сказал, что это не вызвало у него подозрений. Он не доверял Визерису, даже если этот человек был его дядей.

С этим нужно было разобраться сейчас, прежде чем они застряли на корабле друг с другом на следующие два месяца. Поездка в Браавос будет значительно дольше, чем его абсурдно быстрый полет из Вестероса в Эссос. В конце концов, ни один корабль не мог сравниться с драконом.

Он постучал в дверь. — Визерис? Дядя, я пришел поговорить с вами.

Эйгон почти не ждал ответа. Он был немного удивлен, когда услышал хладнокровный ответ Визериса. "Войти."

Его глаза сузились. Что-то было не так с его тоном. Он положил руку на свой меч.

Эйгон медленно открыл дверь и заглянул внутрь. Визерис стоял у окна, держа руки перед собой и спиной к Эйгону. Мужчина Таргариенов, казалось, чувствовал себя совершенно непринужденно.

Он закрыл за собой дверь. «Ты сделал себя малочисленным, дядя. Разве я не показал тебе, что мы никогда не нуждались в дотракийских крикунах?»

— О, ты показал мне, — ответил Визерис таким мягким голосом, что Эйгон почувствовал себя неловко. «Ты также показал мне свои намерения в отношении моей сестры».

«Визерис...»

— Скажи мне кое-что, племянник. Ты уже переспал с ней?

Эйгон оцетинился. «Конечно, нет. Я бы не оскорбил честь Дени, переспав с ней перед...»

Он замолчал, останавливаясь, но Визерис уловил его. — До того, как ты на ней женился?

«Я пришел сюда не для этого разговора».

— Тогда о чем ты собирался говорить, племянник?

Эйгон поджал губы. «Ты и я должны уладить наши разногласия, Визерис. Мы не можем конфликтовать друг с другом, когда путешествуем по континенту. Не тогда, когда убийцы короля Роберта будут охотиться на нас».

«Его убийцы мало кого беспокоят. Все они потерпели неудачу».

«Почему-то я думаю, что он будет более... экстремальным, учитывая, что я вышел из укрытия с полностью взрослым драконом».

— Возможно, да. Но чего стоят убийцы, когда король мертв?

Эйгон замер. "О чем ты говоришь?"

«Разве ты не понимаешь, племянник? Это так просто! Ты действительно показал мне, что мы никогда не нуждались в дотракийцах. просто плыть из Пентоса в Вестерос, чтобы занять наше законное место!»

«Это не так просто. Вестерос — это больше, чем просто Королевская Гавань и Роберт».

«Что такое весь Вестерос перед мощью дракона?»

«Если я правильно помню, дорнийцы однажды сбили дракона».

«Удачный выстрел. Они бы никогда не убили Мераксес, если бы я ехал на ней».

«Удачный выстрел или нет, но Мераксес давно и далеко. Это не имеет значения. Все это питает к мысли, что я отправлю Фростфайра в Королевскую Гавань и сожгу Узурпатора в первую очередь. Если мы решим отбить Когда-нибудь я займу Железный Трон, я не стану Королем Пепла, и мне придется сжечь Красную Крепость, не говоря уже об окружающем ее городе, чтобы завоевать Королевскую Гавань одним только Фростфайром. Дотракийская орда — это две большие разницы, дядя.

— Видишь ли, в этом наши мнения расходятся, — сказал Визерис. «Красный замок полон предателей, и очевидно, что люди, которые позволяют предателям жить в нашем законном доме, ничем не лучше. Я не вижу причин, по которым мы не должны их сжигать».

Глаза Эйгона сузились. «Вы говорите об убийстве невинных людей. Я никогда не буду использовать Frostfyre для такой атаки».

«Может быть, и нет, но я обязательно буду».

Мальчик напрягся. В его тоне звучало предупреждение. «Визерис...»

Визерис повернулся, добродушно улыбаясь. — А, я вижу, ты пришел со своим мечом.

"Вы простите меня за то, что я не нашел причин доверять вам", он нахмурился. Визерис явно не был вооружен. У него даже не было с собой меча, которым он обычно хвастался, — и Эйгон никогда не видел, чтобы он использовал его... во-первых.

Возможно, это было шестое чувство. Может быть, он что-то слышал. Черт возьми, может быть, он просто знал .

Эйгон обернулся и увидел уже над головой меч. Он нырнул, обнажив собственный меч со скользящим стальным звоном. Ему удалось заблокировать удар, направленный в сердце, отклонив его в сторону.

Нападавшим на него был Эссосси — темнокожий и свирепый. Один из охранников. Не Безупречный, но достаточно опытный. Эйгон не знал, где, черт возьми, он прятался, но ему удалось достаточно хорошо подкрасться к мальчику.

Он был сильным. Эйгон сцепил их клинки на рукояти, на скорости потянулся вниз и вытащил свой охотничий нож. Он вонзил оружие в плечо охранника. Хотя его противник хмыкнул, он почти не отреагировал на боль. Эйгон снова нырнул, когда меч снова сделал размашистое движение, пытаясь обезглавить его.

Уговорить этого врага было невозможно. Чем бы ни подкупил его Визерис, этот человек был полон решимости убить его. Каждый его взмах был быстрым и мощным, предназначенным для нанесения смертельного урона.

Дверь внезапно распахнулась, и Эйгон заметил знакомую светловолосую голову. «Ваша милость! Визерис, что...!»

"УБИРАЙСЯ!" Визерис зарычал на Дорею, которая вздрогнула.

Эйгон воспользовался своим шансом. "Дореа, зови охрану!"

Она бросилась бежать, но он понятия не имел, послушается ли она сначала его или Визериса. Он не был уверен, что Дореа была более лояльна к его дяде, поскольку она провела так много времени в его постели в последнее время, но, по крайней мере, теперь звук покушения будет легче услышать во всем особняке.

Эйгон отразил еще один удар и отшвырнул охранника. Он направился к двери, только чтобы вскрикнуть, когда стрела пролетела мимо его лица. Он взглянул вверх и увидел Визериса с луком, проклинающего свою мисс. Его дядя начал направлять еще одну стрелу.

Ну, бля.

Охранник снова подошел к нему, взволнованный тем, что Эйгон все еще жив, и снова ударил мальчика. Эйгон увидел, как Визерис обнажился, и заблокировал удар меча, а затем бросился за стражу. Он услышал звук, глухой удар, и охранник вскрикнул от удивления и боли.

Он упал на колени, стрела Визериса вонзилась ему в спину. Когда охрана упала, Эйгон увидел своего дядю, который побледнел от своей неудачи. Он попытался метнуть еще одну стрелу, но Эйгон рванулся вперед в размытом движении и разрубил лук надвое.

Сир Джорах вбежал в комнату с уже обнаженным мечом. Его глаза расширились, когда он

осмотрел сцену, и подпрыгнул, когда ярость мальчика стала совершенно ясной.

— Визерис, — прорычал Эйгон.

«НЕТ! Я дракон! Я кровь дракона!» Визерис закричал в ярости. «Я ХОЧУ СВОЮ КОРОНУ! Узурпатор!»

Визерис сделал выпад, руки потянулись к горлу мальчика, но Эйгон ударил наверху своего клинка в висок дяди, оглушив его. Мужчина рухнул с хрипом.

Эйгон вложил меч в ножны и перевел взгляд с Визериса на подкупленного им стражника. Он услышал шаги из зала, когда сир Джорах подошел к упавшему стражнику. Он лишь мельком взглянул на мастера Иллирио, Дорею и полдюжины Безупречных солдат, которые ворвались в комнату.

Иллирио, казалось, понял, что произошло раньше, чем кто-либо другой. Его губы сузились. — Вы ранены, ваша светлость?

— Я невредим, — Эйгон схватил Визериса за волосы и болезненно сжал их в кулаке, пока тот не завопил.

"ВЫ НЕ МОЖЕТЕ ЭТОГО СДЕЛАТЬ!"

"Я могу и я!" — прошипел Эйгон, волоча за собой Визериса. Мужчина, спотыкаясь, вскочил на ноги и царапал руки своего племянника, но он никогда не был бойцом. Его руки были мягкими по сравнению с руками Эйгона, и он все еще был слишком ошеломлен, чтобы сопротивляться.

Иллирио и Безупречные быстро ушли с дороги. Эйгон был в ярости; он резко потянул Визериса за скальп и вытащил человека из его покоев на открытое пространство двора. Как только у них появилось больше места и их окружили Безупречные стражи Иллирио, Эйгон оттолкнул дядю и отступил назад, держа руку на мече.

Он мельком увидел Дени, выходящую из противоположного конца двора, и увидел ее широко раскрытые глаза, ошеломленное выражение лица. Эйгон взял себя в руки.

— Ты пытался убить меня, — выплюнул он. "Скажи мне почему."

«Я законный король! У вас нет претензий!»

— Я сын Рейегара Таргариена и последний всадник на драконах, — возразил Эйгон. "У меня есть единственная претензия!"

"Ты самозванец! Узурпатор! Ты забрал у меня все! Все, что должно быть моим! У тебя нет права на корону! Нет права на этого дракона! Нет права на мою сестру!" Слюна летела изо рта Визериса. Его глаза были дикими, отчаянными и безумными.

«Хватит! Ты пытался убить меня. Главу твоего Дома, наследника Железного Трона. Ты это отрицаешь?»

«Ты должен умереть! Дракон должен быть моим! Дейенерис должен быть моим!»

— Вы признаетесь в измене?

"Ты узурпатор!"

— Ты пытался меня убить, да или нет?

"Конечно, я сделал, глупый ребенок!"

Эйгон агрессивным взмахом обнажил меч, и Визерис вздрогнул, уставившись на него. Дыхание дяди было быстрым и тяжелым. Его глаза были широко раскрыты. Безумный.

Он полностью осознавал, что Дэни наблюдает за ним. Сейчас почти все в особняке присутствовали, но больше всего он чувствовал на себе взгляд Дени. Эйгон глубоко вдохнул через ноздри. Он сдерживал свой нрав, старался держать себя в руках. Он не мог привести приговор в исполнение, утопая в ярости.

Ему было слишком трудно сосредоточиться, и потребовалось больше силы воли, чем он хотел признать, чтобы отдать следующую команду.

— Сир Джорах, — выдал Эйгон. «Бросьте его в пустую комнату и охраняйте. Что делать с дядей, я решу позже».

— Как пожелаете, ваша светлость.

Он вложил меч в ножны, повернулся и бросился прочь от Визериса, прежде чем вид предателя-дяди убедил его сделать что-то поспешное. Эйгону нужно было дышать.

Он изолировал себя в своих покоях на несколько часов, неуклонно восстанавливая контроль над своим гневом. Никто не пытался его беспокоить, за что он был благодарен. Ему нужно было успокоиться.

Даже если они с Визерисом никогда не были в хороших отношениях, все равно было больно осознавать, что его дядя отбросил все попытки Джона быть добрым, все возможности, которые могли бы быть, если бы он только что преодолел собственное высокомерие. Мальчик знал, что его прибытие в Пентос сильно изменило баланс сил в остатках дома Таргариенов, лишив Визериса всей власти, которой он ранее обладал. Он знал, что это, должно быть, было несправедливо.

Но что еще он должен был делать? Визерис никогда бы не разорвал помолвку между Дени и кхалом Дрого. Вестерос никогда бы не поддержал правителя, который привел на свои земли дотракийских дикарей. План его дяди был глупым и наспех продуманным.

Каким бы несправедливым ни было его появление по отношению к Визерису, его дядя был свидетелем того, что мог сделать Джон. Он видел силу Фростфайра, видел связь его племянника с драконом.

И он хотел этого для себя. Жадность и похоть овладели Визерисом. Жадность к дракону, с которым он сожжет мир. Страсть к сестре, которую он пытался продать дикарю.

Это было так неприятно. Он и Визерис были единственными двумя молодыми мужчинами Дома Таргариенов. Их семья не могла позволить себе такие распри. Если бы у Таргариенов был еще один Танец Драконов, они бы навсегда вымерли.

Они были на грани, как это было!

Что он должен был делать? Вернись он в Винтерфелл, дядя Нед казнил бы Визериса за такое преступление. Он был бы прав — Визерис пытался убить его. Он полагал, что может просто

изгнать своего дядю, но будет ли это более жестоким, чем просто убить его?

Раздался стук в дверь. Джону ужасно хотелось отослать их, но к этому моменту его гнев остыл, и он знал, что должен поговорить с остальными.

— Входите, — крикнул он натянуто.

Дени медленно открыла дверь, за ней Иллирио. Джон поманил их внутрь, и вход в его комнату тихо закрылся. Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга.

— Вы пострадали во время покушения, ваша милость? — спросил Иллирио.

"Я не был," ответил он, вздыхая. «Охранник не был Безупречным. Полагаю, это единственная причина, по которой Визерису удалось убедить его попытаться убить меня».

«Ему обещали золото и рыцарство в Вестеросе», — сказал ему Магистр. «Он не получит ни того, ни другого, я уже казнил его».

Никаких сюрпризов. Джон перевел взгляд с Иллирио на Дени, которая еще ничего не сказала. Он глубоко вздохнул и рассказал им все, что произошло в покоях Визериса.

— В мире осталось трое Таргариенов, — пробормотал он, намеренно опуская Эймона, чтобы сохранить их связь в секрете. «Все они живут под этой крышей. Если бы Визерис был кем-то другим, я бы без вопросов казнил его за попытку убить меня. Изгнать его или убить?»

Он поджал губы. "Мне нужен твой совет."

«Это непростая ситуация, ваша милость. Он ваш дядя, и это правда, что дом Таргариенов уже в отчаянном положении», — признал Иллирио. — Но если бы Визерис преуспел, ты был бы мертв. Твой дракон остался бы без Наездника. Прошу прощения, когда говорю это, но твой дядя не был бы хорошим королем — нам бы остался человек поменьше возглавить дом Таргариенов. Изгнание может быть легким выбором, но это не меняет того факта, что он пытался убить вас ради собственной выгоды. Я думаю, вы должны казнить его».

Джон сглотнул и посмотрел на Дени, в его сердце тревожно. — Дейенерис?

Какое-то время она молчала, достаточно долго, чтобы он задумался, ответит ли она вообще. Но она это сделала, и когда она заговорила, в ее голосе звучала сталь, а в глазах искры драконьего пламени, которые он видел медленно возвращающимися к ней с тех пор, как власть Визериса над ней была отменена, а ее помолвка с кхалом Дрого расторгнута.

«Если ты умрешь, Фростфайр останется один. Я знаю, ты сказал, что я мог бы сблизиться с ней, но я не хотел бы, чтобы ты расстался со своим драконом таким молодым, Эйгон. И несмотря на то, что Визерис мой брат, я знаю, что он следующим попытается убить меня, если я привяжу себя к Фростфайру. Он убьет нас обоих, если это будет означать, что он сможет претендовать на Железный Трон».

Она вздернула подбородок. — Делай то, что считаешь правильным, племянник.

Несколько мгновений он изучал ее лицо. Дейенерис не дрогнула.

— Хорошо, — наконец решил он. Джон резко встал с края кровати. «Я проведу над ним суд. Он все равно будет признан виновным, но я все равно проведу суд».

«Я скажу сиру Джораху. Как только вы его испытаете, он выполнит...»

— Нет, — перебил Магистра Джон. «Тот, кто выносит приговор, должен взмахнуть мечом. Я сам его казню».

Иллирио несколько мгновений странно смотрел на него, но кивнул. — Как пожелаете, ваша светлость.

«Готовь лошадей. Принеси дрова для костра. Мы поедем к моему дракону».

Когда они добрались до дракона, уже наступила ночь. Визерис был связан, ему заткнули рот и завязали глаза, и его везли на спине лошади сира Джораха. Иллирио и несколько других магистров ехали с ними, чтобы стать свидетелями суда.

Лошади остановились, и Джорах снял Визериса с лошади, сняв повязку и кляп. Визерис задохнулся, глядя на Рыцаря с яростью в глазах. "Предатель!"

Джорах ничего не сказал, потащив Таргариена вперед, толкнув Визериса на колени и поставив перед ним блок, а затем отступил. Визерис отвел взгляд от человека и застыл при виде перед ним; Джон — Эйгон — с мечом в руке и Фростфайром, вырисовывающимся позади него. Аметистовые глаза дракона опасно светились в тусклом свете, словно драгоценные камни, обещающие смерть.

— Визерис Таргариен, — прорычал Джон, в его голосе звучала скрытая ярость. «Вы обвиняетесь в попытке убийства главы дома Таргариенов, законного наследника Железного Трона. Вы хотите что-нибудь сказать в свою защиту?»

— Ты притворщик и вор, — выплюнул Визерис. Джон невозмутимо посмотрел на него сверху вниз. «Этот дракон должен быть моим! Моя сестра должна быть моей! Трон принадлежит мне! Ты ничто!»

Фростфайр взревел, оглушительный звук, от которого Визерис побледнел и задрожал от страха. Несколько магистров, включая Иллирио, подпрыгнули и завизжали. Пасть дракона раздвинулась, и в ее горле виднелись малейшие вспышки пламени.

Джон почти не реагировал на ярость дракона. «Если ты не собираешься защищаться, то суд над тобой окончен. Я, Эйгон Таргариен, шестой по имени, Погибель дотракийцев и Всадник Ледяного Пламени, признаю тебя виновным в государственной измене и приговариваю к смертной казни. слова?"

Глаза Визериса были широко раскрыты, возможно, только сейчас он понял, какая судьба его ожидает. Он переводил взгляд с Джона на Фростфайра и обратно. "Пожалуйста."

Джон взял себя в руки и подошел к Визерису. Джорах шагнул вперед и толкнул Визериса так, что его шея легла на плаху. Человек Таргариенов корчился и кричал. — Дени, пожалуйста!

Дейенерис ничего не ответила. Она не отвела взгляд. Джон видел ее краем глаза.

Джон поднял меч, вздохнул и взмахнул.

Так прошел Визерис Таргариен.

Он отвел взгляд от обезглавленного трупа, дергающегося в предсмертной агонии, и посмотрел

на Магистров, а также на сира Джораха. «Подготовьте костер. Мы похороним его сегодня ночью».

Слуги поспешили выполнить его приказ. Джон изо всех сил старался не обращать внимания на запах, исходящий от тела Визериса, пока кишечник мертвеца освобождался от отходов. Он доведет это до конца. Визерис был его дядей, даже если он пытался убить его.

Костер был сооружен быстро, и Джон помог сиру Джораху поднять Визериса на кучу дров. Он поместил голову там, где она была бы при жизни, и закрыл глаза дяди. Он надеялся, что Визерис теперь обрел покой — нашел способ в какой бы то ни было загробной жизни стать тем молодым, счастливым мальчиком, которого Дени с любовью помнила с детства.

Его искажал жестокий и отчаянный мир, но теперь он мог отдохнуть.

— Прости, Визерис, — вздохнул он. «Хотел бы я, чтобы все было по-другому».

Джон посмотрел на Дени, которая еще ничего не сказала. Она подошла и положила руку на бледное лицо брата.

— До свидания, — прошептала она.

Они отошли от костра. Джон посмотрел на Фростфайра, который внимательно наблюдал за ним. Мальчик встретился со своим драконьим взглядом и сглотнул.

"Дракари".

Когда они вернулись в особняк Иллирио, Дэни последовала за Джоном в его покои. Он нервничал — не знал, чего от нее ожидать. Визерис был жесток с ней в последние годы своей жизни, но даже так...

Когда дверь закрылась и они остались в тишине, он повернулся к ней лицом и глубоко вздохнул. Он так много хотел сказать, безнадежно надеялся, что то, что он сделал, не оттолкнуло ее от него.

Дэни просто подошла к нему и крепко обняла. Джон нерешительно поднял руки, чтобы обнять ее в ответ.

— Спасибо, — пробормотала она. «За то, что сделал это сам».

«Он заслужил это. Даже если бы он был таким, каким был, я... я не мог позволить кому-то другому привести его приговор в исполнение. Это должен был быть я. Ты понимаешь, верно?»

— Я понимаю, — ее тело задрожало. «Я оплакиваю брата, который у меня был давным-давно. Я буду помнить его таким, каким он был раньше. А не тем, кем он стал в конце».

— Прости, Дэни, — выдавил Джон, отстраняясь, чтобы обхватить ее щеки. Он должен был видеть ее глаза — должен был знать, что она не ненавидит его. — Мне так, так жаль.

— Я знаю, — прошептала она. Ее глаза были полны слез, которые текли по ее щекам, пока он смотрел на нее. "Я прощаю тебя."

Она наклонилась и поцеловала его в лоб. Ни одному из них больше нечего было сказать.

Их вещи были упакованы. Все подарки от Иллирио и других магистров, припасы, которые им

понадобятся в путешествии, служанки Дейенерис и небольшая команда моряков, чтобы доставить их к месту назначения, были на борту корабля, получившего название « Дева прекрасного моря».

Он надеялся, что погода будет такой же доброй, как и название их корабля.

Джону показалось странным, что он пробыл в Пентосе всего месяц. Так много всего произошло за столь короткое время. Не более недели назад он летел в бой против кхала Дрого.

Не прошло и двух месяцев с тех пор, как он сбежал из Винтерфелла, чтобы спасти Дейенерис.

Их прощание с Иллирио было коротким, но приятным. Джон не был уверен, действительно ли он надеялся когда-нибудь снова увидеть Магистра, но он был благодарен, что оставил союзника, а не врага. По крайней мере, это было.

Капитану их корабля сообщили об их пункте назначения прошлой ночью — Джон держал это в секрете от большинства, чтобы уменьшить вероятность того, что шпионы Роберта найдут их след. Теперь они наконец были сняты, и он почувствовал, что ему стало легче дышать.

Он подошел к носу корабля, где Дэни, опираясь на перила, смотрела на волны. Джон присоединился к ней, слегка подтолкнув ее локтем. Она улыбнулась ему, и он вернул ее.

Его глаза скользили по его плечу, пока Пентос постепенно становился маленьким на расстоянии. «Думаю, однажды мы снова увидим это место».

— Возможно, — пробормотала она. «Но я не должен задерживаться на этом. Если я оглянусь назад, я пропал».

Джон нахмурился из-за меланхолии в ее тоне. Он взял ее руку и нежно сжал ее. «Ты не собьешься с пути, Дени. Я позабочусь, чтобы ты этого не сделала».

Дэни моргнула, глядя на него. Она поколебалась, затем оглянулась через плечо на Пентоса. Джон увидел что-то в ее глазах, ранимое и неуверенное, но она выглядела независимо. Ее рука сжалась на его собственной, и он вернул давление, пока, наконец, она не перевела взгляд на него.

Ее лицо было усталым, но немного светлее для этого.

Они услышали рев и посмотрели вверх, наблюдая, как Фростфайр пролетел над кораблем. Дракон спела свою прощальную песню Пентосу и взлетела впереди них вдоль побережья. Джон не беспокоился о ней — она сможет найти его благодаря их связи, как бы далеко она ни забрела в Эссос.

Губы Дени изогнулись в искренней улыбке при виде дракона, и Джон почувствовал, как к нему вернулась небольшая радость.

Их ждал Браавос.